

Территория Творчества

Жизнь собаки

Девять Жизней

Валентина Спирина

Жизнь собачья. Девять Жизней

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42832179

ISBN 9785449697523

Аннотация

Новый теплый, мягкий, пушистый сборник нашей Территории Творчества. Все произведения в книге про собак, псов, щенков – домашних и диких представителей семейства псовых. Домашние питомцы и дворовые обитатели, с родословной и без неё, большие и маленькие, гладкие и лохматые. «Гав!» во всех ипостасях... Читайте, лайте вместе с героями книги и наслаждайтесь верной компанией.

Содержание

Территория Творчества	5
Домой!	6
Марат Валеев	7
Толик и Найда	7
Светка и собаки	12
Уши, лапы? Хвост!	14
Лилии от Нила	16
...И лапки кверху!	19
Светка и собаки	22
Возмездие	24
Пират и Лиска	27
Битва на пустыре	31
Эфиоп	36
Сергей Истомин	43
Кот	43
Наталия Сычкова	47
Мили	47
Конец ознакомительного фрагмента.	52

ЖИЗНЬ СОБАЧЬЯ ДЕВЯТЬ ЖИЗНЕЙ

Редактор Валентина Спирина

Дизайнер обложки Валентина Спирина

Фотограф Марат Валеев

Фотограф Катя Истомина

Фотограф Виталина Малыхина

Фотограф Анастасия Гаврилова

Фотограф Любовь Малахова

© Валентина Спирина, дизайн обложки, 2019

© Марат Валеев, фотографии, 2019

© Катя Истомина, фотографии, 2019

© Виталина Малыхина, фотографии, 2019

© Анастасия Гаврилова, фотографии, 2019

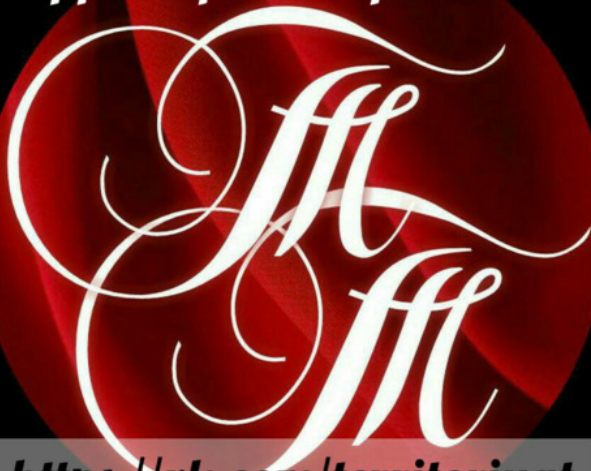
© Любовь Малахова, фотографии, 2019

ISBN 978-5-4496-9752-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Территория Творчества

Территория Творчества

<https://vk.com/territoriyat>

Домой!

*Тихая поступь первой весенней травы;
Ельник в «ежовых руках» держит сладкую негу,
Рыжее солнце плывёт по реке синевы,
Радуги край зацепился за яркую Вегу...
И я по радуге к Дому, шагаю, смеясь!
Тихая гавань, где чудо живёт, не таясь...
О-оо, как светло улыбается вечная Муза!
Радуюсь встрече, обнимет у самых дверей...
И на душе так светло, как от песен Карузо...
Я, наконец, среди близких по духу людей!*

*Тихое счастье... У Дома пасётся Пегас —
Верный товарищ, с которым делили удачу;
Он в дни сомнений спасал от унынья не раз,
Рвал удила... Мой товарищ, как спичка, горячий!
Чудный мой Дом! И обитель моя, и приют...
Если б не ты, я бы долго по свету скитался,
Славно, что здесь – в меня верят, и любят, и ждут,
Ты для меня самым главным на свете остался!
Вертится флюгер... Кричат по утрам петухи...
А в доме обычное дело – родятся Стихи!*

Наталья Колмогорова

Марат Валеев

Толик и Найда

Когда мы еще жили в Туре, это административный центр Эвенкии, у нас во дворе было полно собак. А наплодила их красивая, похожая на овчарку, но только рыжую, дворняга Найда, с пышным хвостом, в котором почему-то не хватало трети.

Может быть, именно эта пикантная особенность, да ещё неотразимая собачья женственность, если можно так сказать, привлекали к Найде кобелей со всей округи, когда она приходила «в охоту».

Иной раз собачья «свадьба» насчитывала до десятка разномастных псин, которые за право обладать красавицей Найдой вступали между собой в ожесточённые схватки. Но это пока дома не было Толика, паренька лет одиннадцати из квартиры этажом ниже (всего же в нашем деревянном брусовом двухэтажном доме насчитывалось восемь квартир).

Когда он приходил из школы и видел это безобразие, то брал палку и разгонял всех похотливых кобелей, приговаривая: «ЭТО делать может только наш Тузик!».

Тузик, пожилой добродушный кобель из двора соседнего

дома, считался законным супругом Найды, потому что это он «сделал» ей первый приплод. А откуда взялась сама Найда, уже мало кто помнил.

В Туре, как и в любом северном поселке с большим количеством охотников, полно бродячих собак, и как с ними не борются местные власти, поголовье их не уменьшается. За десятилетия этой борьбы «кучумы», «таймыры», «валеты» и прочие «бобики» выработали определённую тактику выживания в период антисобачьих кампаний.

Та самая Найда

Как только начинался их отстрел (обычно делать это предписывается в ранние часы, до начала рабочего дня, когда

улицы посёлка еще безлюдны), собаки прятались на эти несколько часов в заброшенные строения, в короба теплотрасс, в другие какие-то убежища, в которых они проводили лютую эвенкийскую зиму, и собачникам на мушку попадались лишь зазевавшиеся неопытные молодые псы или доживающие свой век облезлые старые кобели, которым было уже все равно. Найда была хитрой и в такие огнеопасные часы предпочитала сидеть в коробе теплотрассы, в котором она благополучно и разрешилась от первого бремени.

У Толика было необыкновенное доброе сердце и необъяснимая любовь к собакам. Он с первых же дней взял шефство над скулящим выводком, в котором оказалось целых девять щенят. К его разочарованию, похожим на пятнистого Тузика среди них оказался лишь один щенок, еще пара случилась вылитой копией Найды.

А остальные представляли собой слепок с того «интернационала», который клубился у нас во дворе, когда Найда по зову природы в очередной раз возжелала стать мамой. Не углядел Толик! Впрочем, он и не стал сильно расстраиваться, а с головой ушел в хлопоты по поддержанию жизнеспособности очередного Найдиного приплода.

Когда щенки подросли и перестали вмещаться в короб теплотрассы, а морозы в конце октября уже стали переваливать за тридцать, он на время перетащил их в заброшенный дом по соседству, где из старых телогреек и матрацев соорудил лежбище. Туда Толик не менее чем дважды в день от-

носил большую кастрюлю с каким-то дымящимся варевом – то ли сам варил, то ли маму свою просил.

Во время осенних каникул Толик построил в нашем дворе, в пространстве между багажным контейнером и грудой бруса, большущую, метра полтора на полтора, конуру, снабдил ее даже входным тряпичным пологом – чтобы тепло не выходило наружу.

Мало того, он еще построил что-то вроде забора из старой двери, скрывающую от посторонних глаз будку. Это, как я понимал, было укрытие от собачников. И скоро весь выводок справил новоселье.

Щенки росли не по дням, а по часам. Ещё бы – их, кроме Толика, подкармливал весь двор, включая мою жену, которая также не менее чем пару раз в неделю варила для них вермишелевый суп, заправляемый обрезками оленины, маргарином, а то и тушенкой. Поэтому Найда была приветлива со всеми жителями нашего дома.

Но Толика она просто обожала. Когда она смотрела на него, глаза её буквально светились нежностью и преданностью. Если бы она умела говорить, то Толик, наверное, не успевал бы отмахиваться от её комплиментов, всякой благодарственной чепухи.

Но Найда могла только радостно вилять не просто обрубок своего пышного хвоста, а и всем гибким телом и страстно лизать Толику руки, а если он не успевал отвернуться, то и щеки. Когда он возвращался из школы, Найда летела ему

навстречу со всем своим выводком, и так, окружив своего благодетеля и радостно потявкивая, они сопровождали его до самого входа в подъезд.

Когда щенки подросли, Толик занялся устройством их дальнейшей судьбы. Он раздал кутят почти всех в надежные руки. С Надой осталась только её дочь, Люська, очень похожая на неё.

Толик был в школе, когда в этой дружной собачьей семье произошел самый настоящий инцест: Тузик спарился со своей дочерью Люсей, и неоднократно. Может, перепутал с Найдой?

Когда его за этим гнусным занятием застал вернувшийся из школы Толик, Тузик с позором был изгнан им со двора. Но Люська уже «понесла». А заодно и Найда.

Толику ничего не оставалось делать, как перестраивать и расширять конуру...

Светка и собаки

Жена у меня маленькая, миниатюрная, можно сказать. И веса в ней было, когда мы только приехали жить в столицу Эвенкии Туру, около пятидесяти килограммов. Буквально на второй или третий день она прибежала в редакцию окружной газеты, куда нас и пригласили работать из Казахстана, мокрая и вся в слезах.

Оказалось, Светка шла себе по тротуару, когда мимо неспешно протрусил огромный лохматый кобель. Ему показалось, что женщина, хоть и маленькая, мешает ему пройти куда-то по его собачьим делам, он взял и просто спихнул ее на обочину, полную после дождей грязной воды. Кое-как успокоил жену, осыпаящую проклятиями всех псов. Тут же Север, говорил я ей, край охотничий, потому собак полно, и они чувствуют себя в поселке хозяевами, так что надо принимать это как данное.

Прошло несколько дней, и снова жена возвращается домой в расстроенных чувствах. И опять ее обидела собака. Светка купила в магазине несколько килограммов рубленой оленины, и несла ее домой в целлофановом пакете. Пакет был не очень большой, и мясо торчало наружу. К Светке подошел какой-то лохматый рэкетир, сказал ей негромко «Р-р-р!». Светка так и обмерла, и пес спокойно вытащил из пакета самый большой кусок мяса и также неспешно удалился. Еще

как-то другая собака прокусила ей подол дубленки.

Казалось бы – все, Светка и туринские собаки – враги навек. Но наступила зима, грянули жестокие эвенкийские морозы (а они бывают там даже за 60), и бродячим собакам стало очень туго. Светка однажды увидела, как дрожащие от холода псы буквально насмерть бьются на помойке за нашим домом за отбросы в мусорных ящиках, и сердце ее облилось кровью. Она завела дома отдельную кастрюлю и стала варить и выносить во двор каждый день мясо-костные супчики для собак, «прописанных» в нашем дворе (все дворы в Туре «разделены» между бродячими собаками).

С тех пор Светка обзавелась собственной гвардией – куда бы ни выходила со двора, ее сопровождали два-три пса, и уже никто другой не смел и тявкнуть в ее сторону... Какая тут мораль? Да очень простая. Как ты к собакам, так и они к тебе.

Уши, лапы? Хвост!

Пират наш был обычным, беспородным, но очень милым и добродушным чёрно-белым псом. Он исправно нёс свою службу по охране общественного порядка и коллективной безопасности, сидя на цепи у входа во двор. Хотя что там и от кого было караулить – в деревне у нас всегда было спокойно, никто ничего друг у друга не таскал. Полагалось иметь собаку на цепи, ну и держали. Так, на всякий случай.

Что Пират обладает если не интеллектом, то определённой сообразительностью, я понял ещё с той поры, когда увидел, как он подгребает к себе миску с варевом (мама специально для него готовила макаронные супы с мясными обрезками и мозговыми косточками).

Вот так она однажды вынесла ему полную миску собачьего харча и тут же ушла дальше хлопотать по хозяйству. И не обратила внимания на то, что Пиратова цепь зацепилась за торчащий из будки гвоздь и он никак не может дотянуться до своего обеда.

Пират и так, и этак, уже и язык у него с обильно капающей слюной чуть ли не по самой земле метёт, а натянутая цепь никак не даёт подобраться к исходящей аппетитным парком миске. До неё оставалось сантиметров десять-пятнадцать, не больше.

Я уже было поспешил псу на помощь, но замер на месте

при виде необычной картины: Пират снова до отказа натянул цепь, развернулся задом и, вытянув хвост, аккуратно подгрёб им миску к себе под морду!

Не поверив своим глазам, я снова вернул её на место. Пират даже взвыл от обиды, но тут же повторил манипуляцию с хвостом.

Я захохотал и, крепко взяв Пирата за уши, поцеловал его в мокрый нос. А когда он вылизал миску, принёс ему добавки.

Лилии от Нила

Моя хорошая знакомая Лена, журналистка по профессии и защитница животных по велению души и сердца, организовала в Красноярске приюты для содержания десятков бездомных собак и кошек и все свое свободное время посвящает поддержанию их жизнеобеспечения.

Однажды Лену попросил принять к себе на несколько недель собаку серьезно заболевший одинокий мужчина. Собака была не простой, как и ее хозяин. Он был слепой, а пёс Нил – его специально обученный проводник.

Они уже не один год прожили вместе, что называется, притерлись друг к другу. Хозяин просто боготворил своего проводника, а тот был безмерно хозяину предан и очень облегал ему жизнь. Вот почему мужчина, когда ему надо было надолго улечься в больницу, тщательно искал, на кого бы оставить своего дорогого (во всех смыслах этого слова – Нил стоит в пределах 600 тыс. руб., но незрячим инвалидам обученный пес-проводник обычно передается бесплатно) друга. Причем не просто бездумно любящего собак человека, но и умеющего с ними обращаться.

Так он через знакомых вышел на Лену, и она согласилась. Такого уникального пса она, конечно, взяла к себе домой. Выяснилось, что Нил большая умница. Он как должное воспринял, что ему надо какое-то время побыть с чужим чело-

веком. Никогда при этом не забывал, чему его учили.

– Когда мы ходили с ним на прогулки, он останавливался перед какой-либо преградой на моем пути и загоразивал мне ход вытянутой лапой, предостерегал голосом. Но лишний раз никогда не гавкал, – с восторгом рассказывала Лена. – Он четко выполнял все мои просьбы, и у меня создалось стойкое убеждение, что Нил понимает смысл десятков человеческих слов. Одним словом, интеллеktуал!

Выйдя из больницы и со словами благодарности забрав Нила, спустя какое-то время его хозяин позвонил Лене и попросил ее заехать к ним.

Когда Лена приехала к нужному дому и позвонила в домофон, мужчина открыл подъездную дверь. А навстречу Лене вышел Нил и склонил перед Леной свою большую умную голову. В зубах он держал роскошный букет лилий! Это было 8 марта. Так мужчина и его пёс отблагодарили Лену за ее доброе отзывчивое сердце.

Сама она недавно похоронила свою собаку, прожившую с ней много лет и умершую от глубокой старости. И после перенесенной трагедии продолжала заниматься судьбами других собак, не думая пока обзаводиться новым лохматым другом.

Но не так давно один из принятых в приют бездомных псов, красивый, вполне приличного вида, поднялся на задних лапах, а передние положил Лене на плечи и заглянул в глаза. И столько в этих собачьих глазах было тоски и люб-

ви, что Лена не выдержала и именно это пса забрала к себе
домой...

...И лапки кверху!

Купила Надя себе собачку, о какой давно мечтала – пекинеса. Щеночек с рукавичку потянул на двадцатку, что ли. Но он того стоил – весь меховой, забавный такой, ласковый, ни на какую другую псинку не похожий.

Рос пекинесик не очень быстро, наверное, потому, что это не крупная порода собачек, и радовал хозяйку своей игривостью и преданностью. Надю он просто обожал и особо выделял из других членов семьи, и терпеть не мог, когда она уходила на работу или по каким другим делам, куда нельзя было взять песика с собой.

И вот когда ему исполнился год, Надежде надо было отлучиться в недолгую командировку, на недельку. Своего любимца она оставляла с грустью, но без тяжелых мыслей: дома ведь с песиком оставались муж и дочь, также души не чаявшие в этой мохнатульке.

Неделя командировки прошла не так быстро, как хотелось бы – и все из-за того, что Надя, как она призналась нам честно, скучала не столько по домочадцам, сколько по своей пекинской любимице. Домой она звонила каждый день, пыталась разговаривать с собачкой по телефону. Та, услышав голос хозяйки, но не видя ее, приходила в большое недоумение и поднимала отчаянный визг.

Наконец, Надя вернулась домой. И, конечно, в первую

очередь бросилась к пекинесу. Песик тоже устремился к ней со всех своих коротких ножек, на бегу подвывая от радости и вертя своим пушистым хвостом как пропеллером.

Но только Надя присела на корточки, чтобы подхватить собаку на руки и затискать ее пушистое тельце, зацеловать ее курносую мордашку, как пекинес внезапно упал, задрал кверху лапки и... затих!

Все охнули: умер! Но от чего? Вот же был жив-здоров и весел... Надя дрожащей рукой потянулась к лежащей навзничь собачке, потрогала одну торчащую кверху лапку, другую. И вдруг пекинес также быстро, как шлепнулся перед этим на пол, вскочил на лапки, и бросился на руки хозяйки, стал с визгом лизать ее лицо.

– Да это же он, наверное, просто в обморок упал! – уважительно сказал муж Нади. – От счастья...

– А разве собаки могут падать в обморок? – с недоумением спросила дочь, ласково погладив вертящегося на руках у матери пекинеса.

– Никогда не слышала об этом, – прижимаясь к любимцу щекой, сказала Надя. – Прямо какие-то китайские церемонии, если так...

Надя все же снесла пекинеса в ветеринарную клинику. Врач осмотрел, послушал песика, и сделал заключение, что все у него пока хорошо.

– Но в обморок пекинесы могут падать, – подтвердил он, выслушав рассказ Нади. – Чаще всего при проблемах со здо-

ровьем. Но у вашего пекинеса пока все в порядке. Так что упал он в обморок, скорее всего, от стресса, когда увидел вас после разлуки. Уж очень они чувствительны, эти пекинесы...

Надю при этих словах охватили такой восторг и нежность к своему лохматому питомцу, снизу вверх преданно смотрящему ей в глаза, что она, подхватив только и ждущего этого собачку на руки, стала, задыхаясь, подряд целовать его в мокрый нос, выпученные глазки, мохнатые щеки, приговаривая при этом: «Ах ты ж, собачура моя милая!». И вдруг все поплыло у нее перед глазами, и она словно куда-то провалилась.

Очнулась Надя от резкого запаха нашатыря. Она лежала на кушетке, а над ней с озабоченным видом склонился ветеринар с ваткой в руке.

– Да вы друг друга стоите, сударыня, – сердито сказал он. – Тоже мне еще, кисейная барышня. Надо же, в конце концов, как-то руководить своими «чуйствами»... Ну все, я вас не задерживаю. У меня там еще полный коридор собак и котов. До свидания, и будьте здоровы!

Смущенная Надя сгребла своего повизгивающего у кушетки пекинеса под мышку и процокала каблуками к выходу. Провожаящему их насмешливым взглядом «айболиту» показалось, что песик на прощание еще успел показать ему язык и хитро подмигнуть...

Светка и собаки

Жена у меня маленькая, миниатюрная, можно сказать. И веса в ней было, когда мы только приехали жить в столицу Эвенкии Туру, около пятидесяти килограммов.

Буквально на второй или третий день она прибежала в редакцию окружной газеты, куда нас и пригласили работать, мокрая и вся в слезах. Оказалось, Светка шла себе по тротуару, когда мимо неспешно протрусил огромный лохматый кобель. Ему показалось, что женщина, хоть и маленькая, мешает ему пройти куда-то по его собачьим делам, он взял и просто спихнул ее на обочину, полную после дождей грязной воды.

Кое-как успокоил жену, осыпаящую проклятиями всех псов. Тут же Север, говорил я ей, край охотничий, потому собак полно, и они чувствуют себя в поселке хозяевами, так что надо принимать это как данное.

Прошло несколько дней, и снова жена возвращается домой в расстроенных чувствах. И опять ее обидела собака. Светка купила в магазине несколько килограммов рубленой оленины, и несла ее домой в целлофановом пакете. Пакет был не очень большой, и мясо торчало наружу. К Светке подошел какой-то лохматый рэкетир, сказал ей негромко «Р-р-р!». Светка так и обмерла, и пес спокойно вытащил из пакета самый большой кусок мяса и также неспешно удалился.

Еще как-то другая собака прокусила ей подол дубленки.

Казалось бы – все, Светка и туринские собаки – враги навек. Но наступила зима, грянули жестокие эвенкийские морозы (а они бывают там даже за 60), и бродячим собакам стало очень туго.

Светка однажды увидела, как дрожащие от холода псы буквально насмерть бьются на помойке за нашим домом за отбросы в мусорных ящиках, и сердце ее облилось кровью.

Она завела дома отдельную кастрюлю и стала варить и выносить во двор каждый день мясо-костные супчики для собак, «прописанных» в нашем дворе (все дворы в Туре «разделены» между бродячими собаками).

С тех пор Светка обзавелась собственной гвардией – куда бы ни выходила со двора, ее сопровождали два-три пса, и уже никто другой не смел и тявкнуть в ее сторону...

Какая тут мораль? Да очень простая. Как ты к собакам, так и они к тебе.

Возмездие

Свидетелем этой забавной истории я стал в начале 80-х годов в казахстанском городе Экибастузе. Напротив здания на тихой улочке Матросова, где размещалась редакция газеты, в которой я тогда работал, стояли несколько пятиэтажных «хрущевок». И вот из проулка между двумя такими домами по утрам регулярно выходила на прогулку странная парочка – маленькую вертлявую болонку сопровождал огромный, раза в полтора массивней своей спутницы, мохнатый дымчатый котище. Похоже, они жили вместе в одном из этих домов.

Болонка мелко семенила рядом с котом, степенно и неспешно переставляющим свои толстые лохматые лапы. Весь вид этого крупного мурлыки, величественно раскачивающего вертикально поднятым пушистым хвостом и медленно поводящего по сторонам желтыми бесстрашными глазами, свидетельствовал о его независимости и опытности. Нет, не случайно болонка чувствовала себя в безопасности рядом с ним. Обычно они проходили вдвоем вдоль пятиэтажки и скрывались за углом здания с другой стороны. Так повторялось практически ежедневно и почти в одно и то же время, где-то в районе десяти часов утра. А в тот день накануне прошел дождь. И когда эта «сладкая парочка» вновь вышла на прогулку, на пути их привычного маршрута встала

большая лужа. Болонка радостно зашлепала прямо по водной преграде. А чистоплотный кот замешкался и стал осторожно обходить лужу.

Надо же было тому случиться, чтобы как раз в это время мимо пробежала стайка бродячих собак, штуки три-четыре. Болонка их тут же визгливо облаяла. Лохматым бомзам это не понравилось, и они с ответным лаем набросились на чистенькую собачонку. Болонка отчаянно завизжала и в страхе упала на спину, поджав хвост к мокрому перепачканному животу.

И тут в воздухе мелькнула взъерошенная, с растопыренными когтистыми лапами крупная тень. Это был он, спутник болонки. Котище, руля своим пушистым хвостом, перелетел через двухметровую лужу, свалился сверху на спины сгрудившихся над болонкой псов и с отчаянным шипеньем и фырканием стал их драть когтями и кусать. Шерсть с оторопевших собак клочьями летела во все стороны. Кот был страшен в своем гневе, и в этот момент в нем ничего не осталось от милого домашнего мурлыки. Это был настоящий зверь, решительно и беспощадно карающий обидчиков своего маленького друга.

Несколько секунд – и посрамленные псы, поджав хвосты и скуля, позорно разбежались в разные стороны. Они даже не сопротивлялись! Болонка же, поднявшись с мокрого асфальта, тут же просеменила к коту и благодарно лизнула его в усатую морду. И они, как всегда, бок о бок продол-

жили свой обычный моцион, как будто ничего не произошло. И лишь нервно подрагивающий хвост кота выдавал еще не оставившее его возбуждение...

Пират и Лиска

Как-то отец привез из степи изловленного им малюсенького корсачка – оставшегося по какой-то причине без мамкиной опеки рыжего степного лисенка с большими треугольными ушами. Он был совсем дикий, как-то по-особенному – сейчас бы сказали пикантно, – пах, часто ощерял мелкие и острые как шильца зубы и смешно тьякал, отпугивая от себя всех любопытствующих.

Но уже через неделю Лиска – так мы не особенно изобретательно назвали корсачонка, – спокойно давал себя погладить, с удовольствием лакал молоко из миски и, что выглядело особенно странным, подружился с нашей собакой Пиратом. С другой стороны – что же тут странного, оба ведь были из семейства псовых.

Лиска первое время жил у нас дома в картонной коробке, а во дворе, куда мы с моим младшим братом выносили его поиграть, боязливо жался к нашим ногам, опасаясь всякой домашней живности. А вот в Пирате Лиска нашел родственную душу, и мы подолгу с удовольствием могли наблюдать, как корсачонок терзал пса за хвост, хватал его своими острыми зубками за морду, с фырчаньем топтался по его широкой спине. А Пират при этом лишь блаженно шурился.

Всю зиму Лиска провел у нас в доме, заметно подрос и казался ласковым и практически ручным зверьком. Но одна-

жды в нем все-таки проснулся зверь. Мама подращивала дома в специально обустроенной отцом загородке несколько десятков высиженных курами-наседками совсем еще крохотных, все время пищащих цыплят. И Лиска, с любопытством посматривающий в сторону этой загородки, все-таки разглядел там «дичь».

Пока кто-то из домашних опомнился, пока сумел поймать озверевшего Лиску за его шикарнейший хвост, в загородке остались лежать бездыханными несколько желтых комочков. Что тут было! Мама плакала над цыплятами и требовала, чтобы корсачонок был безвозвратно изгнан не только из дома, но и вообще со двора, мы с братом тоже голосили, протестуя против такого жестокого решения. И Лиску оставили – под нашу ответственность.

Мы с братом построили для корсачонка домик рядом с Пиратовой конурой. Нашли деревянный щелястый ящик и положили его на бок, а дверку в эту лисью избушку оборудовали на манер шлюзовой заслонки. То есть, она открывалась не простым, всем известным манером, а ходила вверх-вниз между входом в ящик и двумя вертикально вбитыми в землю колышками.

Дав друзьям позабавляться вволю и сами наигравшись с ними, мы водворяли Лиску обратно в его избушку. Но однажды, выйдя рано утром во двор, я увидел, что Лиска уже на свободе и, радостно потягивая, всюду кувыркается с Пиратом. Я подумал, что это, может быть отец, собираясь на ра-

боту, пожалел Ласку и сам выпустил его погулять. Но когда отец приехал на обед, то сказал, что никого никуда не выпускал, будет он еще всякой ерундой заниматься!

На следующее утро я застал ту же картину: Лиска жизне-радостно таскает за хвост терпеливого Пирата, а будка его заперта. Но кто-то же выпускает корсачонка! Я внимательно осмотрел будку и заметил небольшой подкоп под дверцей снаружи. Черт, неужели Пират?

Решил проверить. Затолкал Лиску в его будку, опустил за ним дверцу-шлюз и носком башмака разровнял и утоптал подкоп. Сам отошел в сторонку и стал наблюдать. Вскоре Лиска стал призывно потягивать из своей будки и к ней тут же подбежал Пират. Он быстро-быстро заскреб лапами под дверцей, проделал небольшой подкоп и, просунув в него нос, поддел им дверцу и приподнял кверху.

В образовавшуюся щель тут же протиснулся хитромордый Лиска. Пират выдернул нос из-под дверцы, и она хлопнулась на место. Это был высший пилотаж – ничего подобного я еще не видел ни до, ни после. Ай да Пират, ай да шельма!

Лиска же вскоре стал совсем взрослым, нередко на нас рычал совсем уже по-звериному и не по-детски кусался. Как-то Лиска хищно бросился на одну из бродящих по двору куриц, да не тут-то было – за суматошливо кудахчущую и беспорядочно хлопающую крыльями птицу заступился петух и так отделал наглого корсака, что тот со страху забился в Пира-

тову конуру и долго оттуда не вылезал.

Но вскоре Лиска повторил попытку, и на этот раз удачно. И хотя я в тот же день соорудил для вновь одичавшего корсака веревочную привязь, папа вынес из кладовки мешок и без слов бросил его к моим ногам.

Понятно было, что дальше держать во дворе звереныша, в котором проснулся охотник, было бессмысленно и опасно. И мы с братом, под завывания Пирата и его отважные попытки помешать нам, посадили корсачонка в мешок, унесли его подальше в степь и выпустили там на волю.

Лиска недоуменно покрутился еще с пару минут около нас, и вдруг бросился куда-то в сторону. И мы увидели сидящего метра в тридцати на небольшом холмике еще одного корсака. Лиска подбежал к непонятно откуда взявшемуся собрату, они обнюхали друг друга и, подруливая своими роскошными рыжими хвостами, неспешно потрусили вглубь степи бок о бок.

Обидно было, что Лиска при этом даже ни разу на нас не оглянулся. Но для нас главным было знать, что теперь-то уж Лиска не пропадет на необъятных степных просторах. Пират же еще несколько дней повыл, оплакивая потерю своего друга, но затем успокоился...

Битва на пустыре

Из окна моей квартиры на десятом этаже хорошо просматривается большая строительная площадка с целым лесом башенных кранов, на которой одновременно возводятся одиннадцать многоэтажек нового микрорайона «Зеленый городок». А между этими домами остается пока нетронутым большой пустырь – предполагается, что там будет разбит парк или хотя бы сквер.

И вот я как-то вижу, что слева к центру пустыря по снегу деловито трусит компания из трех псов, справа – из четырех. Все пока дружелюбно и, что особенно забавно, почти синхронно машут хвостами. Между ними метров пятьдесят. Завидев друг друга, они начинают неистово лаять и слегка прибавляют ход.

Численный перевес на стороне «правых».

Забыв про оставленный включенным компьютер, заинтересованно прилипаю к окну: сейчас здесь что-то будет! Но неожиданно в команде правых почти сразу же отстает чуть прихрамывающая черная псина и садится на пятую точку. А метров через десять, оглянувшись на нее, на месте, как вкопанный, застывает еще один струсивший «боец». Этот, чёрно-белый, не садится, а просто стоит на месте, также глядя вслед отважно несущимся на противников двум рыжешерстным товарищам.

Завидев такое дело, троица левых, кстати, все одинаковой масти – грязно-белые, из одного семейства, надо полагать, ликующе взвывает и еще больше прибавляет ходу. Правые, чуя неладное, оглядываются и явно понимают: их теперь осталось куда меньше, чем было! А значит, в этой схватке они могут потерпеть поражение. Тогда эти двое рыжих разворачиваются и возвращаются к ближнему отставшему, покорно виляющему хвостом. Подбежав к своему струсившему товарищу вплотную, рыжие что-то ему втолковывают. И решив, что этого достаточно (а четвертую, чёрную псину, они, похоже, сбросили со счетов, потому что к ней не побежали), разворачиваются и вновь несутся к своим противникам, застывшим в это время поодаль на месте и с интересом наблюдающим за происходящим во вражеском стане.

Но отставший третий и не думает присоединиться к своим более решительно настроенным собратям! Он по-прежнему стоит на месте. Тогда эти двое, не добежав метров с десять до троицы белых, разворачиваются и снова чешут назад.

Картина повторяется: обступив с двух сторон чёрно-белого, они вновь что-то внушают ему. Тот только башкой не кивает, всем своим видом показывая, что он все понимает.

Двое рыжих опять устремляются к вражеским порядкам, уверенные, что теперь-то силы их равны. Но чёрно-белый не в силах тронуться с места! И снова рыжие возвращаются к нему и терпеливо его «уговаривают» присоединиться к ним. И так было шесть или семь раз!

Был конец обыкновенного рабочего дня. На стройплощадке полным ходом шли работы: краны, вращая длинными руками-стрелами, подавали на строящиеся дома панельные блоки, монтажники, высекая голубые искры электросварки, прихватывали их. Чуть поодаль ухала сваебойная машина, вгоняя в мерзлую землю очередную сваю. По соседнему проспекту тянулся нескончаемый поток автомашин. А рядом, на пустыре, разворачивалась захватывающая баталия. Которая, впрочем, вот уже несколько минут никак не могла начаться из-за неразберихи в рядах одного из отрядов псовых.

И я живо себе представил, какие диалоги там происходят, на поле затевающейся собачьей битвы.

Вот несутся четверо рыжих, и орут на ходу белым:

– Ну, твари бледнокожие, щас мы вам наваляем!

Белые им отвечают нестройным, но задорным хором:

– Ага, наваляете! А кто вчера сам от нас люлей огрѣб?

Чѣрная псина в компании правых, бегущая последней, тут же, видимо, припоминает: да она же потому хромает, что во вчерашней драке с этими белыми отморозками ей лапу прокусили, до сих пор вон болит.

«Не, в этот раз без меня», – решает она и садится на снег. А мчащийся перед ней чѣрно-белый краем глаза увидел, что чернушка отстала, и тут же притормозил и сам: ему тоже в недавней стычке с этими подлыми белыми вырвали из левого уха целый клочок, и оно стало наполовину меньше правого. А если еще и второе обгрызут, на кого он будет похож?

Нет, с него хватит!

Оставшиеся вдвоем рыжие все еще несутся на врага. Но тут один из них замечает, что их стало меньше.

– Что за фигня! – орет он. – Где остальные?

– Струсил! – визжит второй. – Дезертировали, козлы!

Они разворачиваются и бегут к ближайшему отставшему, чёрно-белому.

– Ну, ты чё, струсил, что ли? – грозно гавкает один из рыжих прямо ему в обгрызенное ухо.

– А чё я? Я ничё... – неубедительно оправдывается тот, поджав хвост.

– Ну, тогда погнали! – орет в другое его, еще целое пока ухо, второй пёс.

И они снова мчатся на врагов. Те, прилётшие было на снег в ожидании дальнейшего развития событий, вскакивают на ноги. Но рыжие, обнаружив, что они снова вдвоём, с проклятиями разворачиваются.

– Да ты чё, блин? – запыхавшись, рычит первый рыжий на понуро свесившего башку чёрно-белого. – Или сам по сопатке хочешь?

– Ты чего, опять замандражил? – вторит ему другой рыжий. – Да мы же втроем им запросто навалием! А ну, пошли с нами!

– Пошли, пошли, – бормочет чёрно-белый, обречённо глядя вслед вновь умчавшимся вперед друзьям. Но с места не трогается.

Я трясусь от смеха, и потому бинокль, через который наблюдаю за происходящим, приходится время от времени отставлять, и тогда фигурки спящих на пустыре собак выглядят маленькими и невыразительными. Хоть суть происходящего видна и невооружённым глазом.

Что характерно: всё это время, пока рыжие пытались навести боевой порядок в своих рядах, белые на них не нападали, а терпеливо выжидали. Да и сами рыжие ни разу не применили к своему струхнувшему товарищу физического воздействия, то бишь, не покусали его. Значит, есть, есть у этих лохматых бомжей что-то вроде кодекса собачьей чести!

Неизвестно, чем бы всё это закончилось, но ситуацию спасла ещё одна собака. Она неожиданно выбралась на пустырь с территории недавно открывшегося рядом с нашим домом ресторана «Модерн». И оба неприятельских отряда, забыв, что они только что затевали битву между собой, с неистовым лаем погнались за этой несчастной шавкой и исчезли за новенькими домами. И чуть ли не впереди всех храбро неслась только что проявлявшая все признаки малодушия та самая черно-белая псина.

И я подумал: да у них же всё почти как у людей. Не зря их называют братьями нашими меньшими...

Эфиоп

Через дорогу от нашего дома в трехэтажном кирпичном здании с зеленой крышей разместился ресторан (он же отель) «Модерн». У этого заведения немалая огороженная территория: благоустроенная, с внутренней парковкой для машин и летней пристройкой-кафе, и через забор – неблагоустроенная, представляющая собой заброшенный котлован для фундамента какого-то объекта, так и не начатого.

«Модерн» явно процветает: поток желающих просто вкусно поесть или отметить какое-нибудь семейное или корпоративное торжество не иссякает (это в будни дни), а каждые выходные играют свадьбы и ближе к ночи с территории ресторана, под ликующие вопли гуляющих, с ужасным грохотом запускаются праздничные фейерверки, к которым мы уже привыкли и практически не обращаем на них внимания, или же светящиеся китайские бумажные фонарики.

В обычные дни ресторан работает до полуночи, в свадебные – до двух-трех утра. Когда злачное заведение покидают гости и персонал, на объекте остается охранник-пенсионер, мужского или женского полу. Платят им, похоже, не очень, поскольку они часто меняются.

Охранники поначалу сидели в старом строительном вагончике, приткнутом к воротам территории ресторана. Стеречь объект им помогала собака, причем – довольно услов-

но, поскольку совершенно свободно передвигалась по прилегающей территории «Модерна», а иногда шлялась у соседних домов.

Где она ночевала, я даже понятия не имел: на цепь ее никто не сажал, будки у нее не было. Наверное, где-нибудь в остатках строительного материала в котловане. Впрочем, мне это было и не интересно. Просто порой смотря вниз на улицу из окна, я мимоходом отмечал, что на территории ресторана иногда видна одна и та же собака. Такая, знаете, неопределенного, скорее рыжеватого цвета, и неопределенной же породы. Хотя, где там неопределенной – дворняга, конечно.

И вот в конце прошлого года я обратил внимание на то, что собака исчезла. «Ну, сбежала куда-нибудь, – почти равнодушно подумал я. – А то, не дай Бог, попала под машину или ее отловили коммунальные службы, периодические открывающие охоту на бездомных собак...»

И почти забыл про собаку. Но однажды, уже ближе к весне, увидел, как из-под торца того самого караульного вагончика, где обычно сидят сторожа, высыпала целая куча щенят. Пригляделся и заметил там что-то вроде норы. Стало ясно, что собака все же нагуляла себе потомство, устроила под вагончиком лежбище и там-то и ощенилась.

А сейчас, когда щенки окрепли, стала выводить их на прогулку. Но совсем ненадолго – на минуту-другую, а потом тут же загоняла кутят обратно, и мне все никак не удавалось

их подсчитать со своего десятого этажа, даже при помощи бинокля: одни выскочат из-под вагончика, и тут же юркнут обратно, на их место вылезают другие и так же почти мгновенно прячутся обратно.

Рядом пролегла оживленная улица, и шум бесконечного потока машин, вероятно, пугал их. Я смог установить лишь приблизительное число щенков: в пределах шести-семи, и все разномастные: и рыжеватые, и пятнистые, и черненькие.

Я не сомневался, что сторожа подкармливали новоявленную мамашу и ее потомство: возможно, что-то приносили из дому, что-то добывали на кухне ресторана. Но все равно решил принять участие в судьбе щенят и тоже почти ежедневно что-нибудь приносил поесть собачьей семье. Правда, мне там не особенно доверяли: как только подходил поближе к вагончику, из-под него слышалось забавное щенячье рычанье и потягивание: мне явно угрожали!

А я и не подходил особенно близко: разворачивал пакет и бросал свои гостинцы к входу в собачье жилище. И ведь никто не высовывался, пока я не уходил! Похоже, мамаша приучила своих щенков к осторожности.

Увы, это не помогло. Однажды, вернувшись домой после двухнедельного отсутствия, я посмотрел на территорию ресторана из окна и обнаружил, что вагончика нет, а на его месте стоит аккуратная такая, застекленная будка.

«А куда ж собачья мамаша со своими детишками поде-

валась?» – обеспокоенно подумал я. Но, присмотревшись, все же увидел, что один, уже явно подросший кутенок, все же крутится за забором неподалеку от будки.

Я обрадовался и быстренько собрал для щенка, что нашел в холодильнике, перекусить, сложил в пакет и спустился на улицу. Привычно направился на территорию ресторана и уже собрался зайти за будку, чтобы попробовать приманить к себе песика или хотя бы просто оставить на тропинке, соединяющей основную территорию ресторана с будкой охранников, пакет с «передачей» – щенок сам потом найдет, – и тут меня окликнули:

– Мужчина, вы куда?

На меня с подозрением смотрел немолодой уже мужичок с метлой в руках (сторожа еще и убирали территорию). Дело было к вечеру, и охранник уже заступил на свой пост. Днем-то обычно будка пустовала, и сторожа меня не видели, когда я приходил с кормом для собак. А тут попался на глаза.

– Да я вот, собачек покормить, – сказал я и показал бдительному охраннику пакет с мясными, колбасными обрезками. – Через дорогу живу, вон в этом доме. Уезжал на пару недель, смотрю, уже ни вагончика, ни собак, одна только осталась...

– Один, – поправил меня сторож. – Эфиоп. А остальных забрали.

Мужик закурил и вновь неспешно зашаркал метлой по асфальту.

– А куда увезли и зачем? – растерянно переспросил я. – И почему – Эфиоп?

– Куда – не знаю, – досадливо пожал плечами сторож. – Не в мою смену это было. Я вообще второй раз как вышел, недавно устроился. Может, по рукам раздали, я как-то не интересовался. А кобелек вот остался. Никак, говорят, поймать не могли. Очень быстро бегаёт. Как чемпион мира из Эфиопии. Вот за это его и называли Эфиопом.

Ну, Эфиоп так Эфиоп. Песик никуда не уходил и продолжал жить на территории ресторана в свободном режиме, по-прежнему считая ее своим домом. Обычно он держался неподалеку от будки сторожей, где когда-то стоял вагончик с вырытой под ним его мамой отчей норой. Кормили его, надо думать, так же сторожа и работники кухни, потому что я видел за забором в бинокль вылизанную Эфиопом кастрюлю, какие-то пустые пластиковые коробки.

Однако кормили собачьего подростка, похоже, все же не густо – Эфиоп оставался поджарым, и потому я тоже продолжал носить ему специально прикупаемые косточки, обрезки мяса. При этом Эфиоп оставался на редкость очень осторожным и ко мне никогда не выходил, а прятался где-то в зарослях бурьяна или среди строительного хлама в котловане.

Но голод не тетка, и я, специально задержавшись у ворот, нередко видел, как песик украдкой пробирался к оставленному мной на тропинке, по которой он выходил из-за забора

в «свет», пакету с продовольственной «передачей», аккуратно брал его в зубы и утаскивал в глубь своих владений.

Светка, наблюдающая за нами сверху из окна, потом общала мне:

– А твой-то запасливый какой! Немного поел из пакета, а потом стал зарывать косточки в землю по разным углам. Вот забудет, куда спрятал, и пропадет его еда...

– Это у них «нычки» называется, – авторитетно пояснял я жене. – Все псовые такие, делают запасы на черный день. И никогда не забывают, куда заныкали!

Потом Эфиоп пропал на целую неделю. Была глубокая осень, пробрасывало первым снежком, а в это время, я знаю, случаются «собачьи свадьбы». Когда жил в Эвенкии, по Туре в такую пору носились целые вереницы кобелей – в десять и более особей, с высунутыми языками преследуя единственную, «пришедшую в охоту даму», и свирепо грызаясь между собой за право быть удостоенными ее внимания.

Видимо, и наш созревший Эфиоп прибился где-то к такой вот свадьбе и носился с ней по городу несколько дней кряду. Это если так. А на самом деле с ним произойти могло что угодно – жизнь бродячего пса всегда висит на тоненькой ниточке, и оборвать ее может всякая случайность.

Но, к своему облечению, через неделю я снова увидел Эфиопа. Выглянул утром в окно, а он вот, голубчик, пятится задом, пытаюсь порвать тянущуюся от его шеи к дощатой конуре цепь и возмущенно гавкая при этом. Все понятно:

Эфиопа приняли на «штатную» службу, и даже будку ему сколотили!

Правда, первые несколько дней «собакен» отказывался признавать тесный ящик за своё жилище, но затем, когда, видимо, ему надоело испытывать прочность шкуры на ветро-влаго-снегопроницаемость, все же стал время от времени в будку залезать. А сейчас его плутоватая мордаха торчит из конуры с таким видом, как будто он в ней родился и живет всю свою пока еще небольшую собачью жизнь.

Вот теперь можно быть спокойным за судьбу Эфиопа – она у него конкретно определилась. Ну да, он не на воле, и про собачьи свадьбы ему, увы, придется забыть, разве что к нему забредет какая приبلудная «невеста» или сторож сжалится и отпустит его погулять. Но зато пес точно будет жив и всегда сыт, и даже с крышей над головой!

Я по старой памяти все же время от времени навещаю к Эфиопу – конечно же, не с пустыми руками, – и он встречает меня, как своего старого знакомого, приветливо машет пушистым хвостом и даже улыбается!

Ну и живи себе, мой четвероногий приятель Эфиоп!

Сергей Истомин

Кот Самурай

Кот

У нас на участке появился кот. Ну, как появился? Неожиданно. Как бы случайно. Пришёл. Я на него посмотрел, и что-то мне стало как—то не по себе. Станный он. Необычный. Не смог прогнать.

То, что больной – понятно, но хвост... Я не врач и с диагнозом могу ошибиться. Хвост у кота был сухой, как бы мёртвый. Визуально. Как весной ветка на дереве. Вот эта вроде бы живая и почки есть, а эта? То ли помёрзла, то ли ещё что. Не понятно. И что делать, тоже не понятно. С хвостом, не с котом.

Стал подкармливать. Кота. Жалко. Ходит – кормлю, кормлю – ходит. Зависимость. Как маятник на часах. Тик – так, тик – так.

Уже привык то ли я к нему, то ли он ко мне. Уже обнимаемся. Вечерами.

Вчера, гуляя на улице с приятелями, рассказал про кота. Обсмеяли – сказали, что я теперь блохастый. Убежал. Сейчас сидим с котом у меня в конуре – мне места не жалко, да

и вдвоём веселее будет. Смотрим в окно, а там октябрь рыдает дождями, и холодком потянуло. А нам тепло. Мурчим.

Думаю. Вот любопытно! Хозяин сильно удивится, когда обнаружит, что у меня в будке поселился кот? Ведь я же пёс, а собаки, как правило, с котами не дружат.

Фото – Катя Истомина.

Определённо что-то странное происходит в этом мире. Необъяснимое. Буквально на днях я еле вырвался из рук человеческих детёнышей, которые под крики: «Давай сделаем из него льва» обрили мне хвост, оставив лишь кисточку на самом кончике. А уже сегодня я сижу в будке с огромным псом и смотрю в окно. Чудеса. Я бы ушёл, но за окном октябрь и дождь, беспощадный и унылый. Стоят стеной. Ждут. Меня.

Идти и искать? Его? Прямо сейчас? В таком виде и в такую погоду? Бесплезное занятие. В такую погоду себе хозяина не найдёшь. В такую погоду хороший хозяин дома сидит. Лучше непогоду здесь переждать, а там... а там видно будет.

Скрипнула дверь, пёс наострил уши.

– Шарик! Хватит уже в будке мёрзнуть, иди домой, – раздался голос хозяина.

– Не могу. Я не один, – прогавкал Шарик в ответ.

– Ну, и сколько вас там?

– Двое: я и моя тень.

– Да знаю я твою тень. Скажи ей, пусть тоже идёт домой.

– Ну, вот! А ты: «не возьмёт, не возьмёт», – уже обращаясь к коту, произнёс пёс и тут же скомандовал, – бежим!

И уже через пару мгновений в слегка приоткрытую дверь проскочил Шарик, а следом за ним, не веря собственному счастью, бледной тенью в дом прошмыгнул кот.

Наталья Сычкова

Мили

Галина была вне себя от ярости – опять эта собака схватила ее курицу! Бедняжка кричала, хлопала крыльями, но вырваться из зубастой пасти не могла. Пенсионерка готова была убить воровку лопатой, которая попалась ей под руку, но побоялась приблизиться к собаке, та была крупной и выглядела очень свирепо. С добычей в зубах она умчалась. За неделю собака съела уже трех, самых крупных кур и вот четвертая жертва. Сосед Федор вышел из – за забора.

– Не знаешь, чья это собака? – спросила Галина.

– Это хаски. Таких у нас в поселке штуки три. Но эта, скорее всего, Василия Мушкина с соседней улицы.

– Сейчас я этого Мушкина навещу, он мне за все заплатит. – Галина кипела от злости.

Нужный дом нашелся сразу, Галина нажала кнопку звонка и громко постучала в ворота. Вышел худощавый мужчина лет 35.

– Ваша собака сожрала у меня четырех кур! – Выпалила Галина не здороваясь, – Надеюсь, понятно, зачем я пришла?

– Мили не моя собака, – Сказал мужчина спокойно, – Зна-

комый попросил приютить ненадолго, а потом отказался забрать ее. Он получал с нее доход, щенки хаски дорого ценятся. А потом она почему – то перестала приносить приплод, хотя вроде, и не старая еще. Нет щенков – нет смысла держать собаку, она стала ему не нужна. У меня она жила месяц, а неделю назад сорвалась с цепи и убежала. Я ее не искал. Живу я один, скоро уезжаю в командировку, на кого я ее оставлю?

– Хорошо, – Галина поняла, что ущерб ей никто возмещать не собирается, – Тогда я пишу заявление на отлов и уничтожение собаки.

– Делайте что хотите, – Он развернулся и ушел, закрыв за собой ворота.

Вернувшись домой ни с чем, Галина пошла полоть огород, чтобы как – то успокоить нервы. Прополов две грядки моркови и лук с огурцами, она почувствовала усталость, к тому же подходило время обеда, скоро придет внук. Женщина вышла с огорода и оторопела – перед ней стояла та самая собака!

– Ты? ... Зачем пришла? – Галина прикинула расстояние до двери, убежать в дом не получится, эта зверюга перехватит ее на пути. Значит нужно вести себя спокойно и не показывать своего страха, они, говорят, это чувствуют. «Нужно назвать ее по имени», – Галина лихорадочно пыталась вспомнить, как назвал ее мужчина, – «Миди..., Мини...»

– Мили! – вспомнила Галина.

Собака подняла голову и посмотрела ей прямо в лицо. «Какие красивые глаза, – невольно залюбовалась женщина, – Голубые, как небо». Сейчас собака не выглядела агрессивной и Галина неожиданно для самой себя стала высказывать ей свою обиду.

– Что ты наделала, зачем ты убила моих лучших несущек? Ты знаешь, сколько яиц они бы снесли мне? Я их растила, кормила, а ты растерзала их на моих глазах...

Собака легла у ног Галины и положила голову на вытянутые передние лапы. Она выглядела виноватой, как будто хотела сказать: «Простите, голод заставил».

– Уходи, видеть тебя не хочу. – Тихо сказала Галина.

Рыжий кот Барсик шел по тропинке домой, но увидев собаку, замер на месте. Несколько секунд собака и кот смотрели друг на друга, потом Мили равнодушно отвернулась и Барсик, забравшись на забор, стал наблюдать сверху за непрошенной гостьей.

Вдруг калитка распахнулась и восьмилетний внук Егорка влетел во двор.

– Собачка! – Восторженно крикнул он и кинулся к Мили прежде, чем бабушка успела среагировать.

Галина застыла от ужаса, что теперь будет? В глазах собаки сверкнули веселые огоньки, она присела на передние ла-

пы и подпрыгнув, лизнула мальчика в нос. Егорка засмеялся, стал теревить ее за уши, а собака принялась игриво прыгать вокруг него.

– Бабушка, где ты взяла хаски? – Спросил счастливый внук.

– Это чужая собака, Егор, лучше отойди от нее. Она сейчас уйдет домой.

– Бабушка, она классная! Я не хочу, чтоб она уходила! Ты знаешь как ее зовут?

– Ее зовут Мили.

– Милая Мили, – Мальчик продолжал гладить собаку, – Не уходи, я так давно мечтал о такой собачке.

Галина не стала рассказывать Егору про съеденных кур, про то, что собака оказалась никому не нужна и что жить ей осталось недолго. Зачем травмировать ребенка. «Нужно привязать эту зверюгу, пока она еще кого –нибудь не загрызла», – подумала Галина. Она взяла веревку, привязала ее к яблоне и притворно ласково позвала собаку.

– Мили, иди ко мне, хорошая собачка.

Собака покорно подошла и позволила себя привязать.

– Вот и хорошо. Сиди, жди своей участи.

Галина ненадолго зашла в дом и вернулась с написанным заявлением на отлов собаки. Мили лежала под яблоней и часто дышала, высунув язык.

– Жарко тебе? Пить, наверное, хочешь? – Галина налила в ведро воды и поднесла собаке. Мили благодарно лизнула

ей руку и принялась пить. Листок с заявлением упал на землю, Галина подняла его, взглянула в небесные доверчивые глаза собаки, и... порвала.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.